

Римма КАЗАКОВА

МУЖЕСТВО И НЕЖНОСТЬ

и звучали голоса
моцарта, винской, мужской.Иду переменам в погоде:
лето теплом не изненадит.
Иду: все пройдет,
что проходит,
новое что-то забрезгит.Иду, не впадая в уныние,
если вдруг — крепкая забота,
радость случится ли ныне
или нелегкое что-то.Иду, как в самумной
пустыне —
жаждущих путников
горстка, —
что переменится в сине,
в буре метаний подростка.Иду от тебя, не стараясь
хоть наемную откровенность,
пребражения в радость
всех наших общих
мгновений.И ожиданием главным
с рискованной проправой
и будущими жизненными
главами

смелость надежды приплата.

Новым, из завтрашней далы
светом зрачки ослепляя,
будто совсем молодая,
иду перемен от себя я,
иду перемен от себя я...**Джвари**

По дороге в храм Креста,

— по-грузински это —

Джвари,

тишина была чиста,

в вышине снега лежали.

Непримятая трава

астала, как узор зеленый.

Показалось мне сперва

продыпанной,

пропыленной,

что величественно глух

этот храм шестого века

ко всему, чем мучим дух

нынешнего человека.

Но, как будто эхо гор,

из динамика у входа

вдруг запел незримый хор

незапятного года.

И сиреневый храм Креста

стал обителью людскою,

и

закончилась

столетие.

Весенние распутья как бы символизируют современное состояние дел в шахматном мире. Поклону, главная примета сезона, — и вспомнили о поклоне врученный вручением гроссмейстеров. Создалась интересная ситуация. Заметно возвышается над всеми молодой для своего «сана» 27-летний чемпион мира А. Карпов. Кто будет следующим преемником на мировую шахматную корону? Какое поколение — старшее, среднее или совсем молодое — получит верх предстоящим менеджерским турниром? Но наше внимание насторожено: как путь в дальнейшем развиваться шахматное творчество, какие его тенденции окажутся жизнеспособнее?

Все эти вопросы волнуют шахматный мир. В многом ответ на них должны дать крупнейшие соревнования этого года, к которым прежде всего надо отнести арельский турнир гроссмейстеров в Канаде, международные турниры и, конечно, состязания в нашей стране — летнюю Спартакиаду. Будущее, естественно, за молодыми. Но нас сейчас волнует текущий сезон. И первое впечатление, что ветераны — и наши, и зарубежные — отнюдь не собираются сдавать свои позиции.

Взять хотя бы нашу «великолепную семерку» участников международных турниров. Ни в какой мере не желая умалить силу четырех молодых: В. Чешковского, Г. Кузьмина, Ю. Балашова и Р. Ваганяна (из них старшему, Чешковскому — 35 лет, а младшему, Ваганяну — 28 лет), все же по объективным данным нужно отдать предпочтение трем ветеранам: Т. Петросяну, Л. Погребнякову и М. Талю.

Дело не только в их последних успешных результатах. Главное — высокий и устойчивый класс игры, позволяющий им выступать без срывов, а тем более провалов, регулярно оставаясь на верхних строчках турнирной таблицы.

Примерно так же картина у наших зарубежных соперников. До сих пор игра Б. Ларсена и Л. Портиша выглядит надежнее игр их молодых конкурентов. А таковых более чем достаточно. Сюда относятся уже упомянутые опытные шахматисты — например, Д. Санс и З. Рубенштейн (Венгрия), Э. Майль (Англия), Э. Меккин (Бразилия).

Представители старшего поколения давно уже в основном прояснили «междоусобные отношения». Как бы ни были сильны и опасны Портиш и Ларсен, они борются за первенство мира всегда уступали Т. Петросяну и М. Талю. А вот молодым еще предстоит выяснение подобных отношений. Поэтому любители шахмат с таким нетерпением ждут международных турниров, которые должны дать ответ на многие вопросы. Тот год назал перевес в таких турнирах, как говорят, с момента появления на рынке шахмат будет сохранен и упрочен.

А. СУЭТИН,
Международный
гроссмейстер.что там было, так давно:
чья — победа, чья — общая!И выходит, все, что жгло,
выхламо слезы, было,
не туда вело ишло, —
хорошо ум, что было.Из сегодняшнего дня,
как растерянный родитель,
смотрит, смотрит на меня
мой вчерашний победитель.И спились, и стали мной
в миг, протяжный,
как безбрежность,
свет небесный, свет земной,
жизни мужество и
нежность.

◆

...И все же это верно —
верить людям.
Глаза их не сродни огням
боготворяющим.Поверьте людям, мелким
не будем, —
проверим песням, книгам
и полотном.Поверьте, когда радость
только синяя, —
когда мы неутешны,
неутешны,
издалека прятануть
страницы,где те же слезы, муки
и надежды.Поверьте в невозможность,
невозможность
нечестия. И будущему другу
уверен в проиграном
в неизвестность
свою беду проверенную
рукой.

◆

...По Москве гуляем мы,
вспоминая, в чём-то как бы.
И не заняты умы
ни одной из прежних
каверз.И лелеем на ходу,
радуясь, что выпал случай,
это в дальнем том
было маество сущее.Как ни странно, все равно,
кто при чём, чья карта бита,

Банальная баллада

Жила девочка. И любви
ждала.

Не это ли и значит, что —

жизнь!

Она ждала любви, помала
пальцы,

она читала в книжках

про любовь,

про то, как любят

страстные испанцы,

про то, что это — щит,

опора, панцирь,

безумный миг, восстанье

рабов!

Но вот пришел он, тот,

кого ждала.

Сначала закусила утка.

Потом пошла — и было

бально, светло.

Но то, что сияло,

почему сияло...

О, книжный чёрвь, чтоб
не сйти с ума,

сокрытие ликомы

жизни!

Жила на свете женщина

одна.

Она любила, сидя у окна,

забыв, что муж —

пьяничка и зануда,

пистать страницы, ожидая

чуда.

Но вот он, чудотворец,

тут как тут.

Он знает хорошо, что

здесь живут.

Хотите чуда? Вот вам

две мазки:

духи «Москва» и ресторатор «Москва»...

Где ты, любовь!!

А на ресницах — черная
слеза.

Подешевела что-то чудеса...

Живет, весьма не юная уже,
старуха на десятом этаже.

Она качает внука и в

бельницу

все ходит, навещает старика,

и за здоровье старика

бонется: —

до скрипа.

Старик был добр! Любил

её! Ну да...

Довольна внуком, и

детям, в домом...

Но отчего, склонясь над

толстым томом,

вздыхает, что уже не

молодой?

Прошло! Ушло! Да было ли

всобщее?

Скажи, любовь, так где же

ты, бродяжка!

Одна, в предназначена

двоими...

Тебе морочить головы

не такко

нам, детям непримечательным

твоям!

А может, нет тела,

и ни к чему

все эти перебранки,

пересуды,

и этот колокольный звон

посуды.

веси этот вздор —

ни сердцу, ни уму!!

Но в переулке девочка

живет.

Она живет — не просто

хлеб жует.

По вечерам, когда ей

темнота

мохнатую кладет на плечи

папу,

она садится и включает

лампу,

она великий делом занятая

она читает в книге про

любовь

и ждет любви, как

обещает книга,

Автор — известный армянский

скульптор Акопий

Людиян.

Портрет имеет интересную

историю. Он создан в 1927 году

в Париже во время

Сталинской экспозиции

в Европе.

Сейчас он хранится в

Музее истории

шахмат в Москве.

Сейчас он хранится в

Музее истории

шахмат в Москве.

Сейчас он хранится в

Музее истории

шахмат в Москве.

Сейчас он хранится в

Музее истории

шахмат в Москве.

Сейчас он хранится в

Музее истории

шахмат в Москве.

Сейчас он хранится в

Музее истории

шахмат в Москве.

Сейчас он хранится в